

УДК 1:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-65-75

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА 70–80-х гг. XX СТОЛЕТИЯ

Политов Андрей Викторович

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Целью работы является исследование сущности советского технологического хронотопа (объект исследования), возникшего в результате совокупности материальных и духовных достижений научно-технического и социально-политического развития советского общества 70–80-х гг. XX в. Методологической основой работы служит теория хронотопа А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина (постулирующая онтологическую и функциональную взаимосвязанность времени и пространства), позволяющая раскрыть изучаемый объект в качестве структуры, формирующими элементами которой выступают два атрибута: пространственный (принадлежность к конкретному географическому материальному локусу и семантическому культурно-цивилизационному топосу) и временной (определенной продолжительности период объективного времени, включенный в семантическое целое взаимосвязанных культурно-исторических эпох). В исследовании выявляется сложная природа его предмета: фундаментальная сущность технологического хронотопа образована онтологической сущностью технологии, исторически сформировавшейся в результате эволюции европейского типа мышления (прежде всего в классической гносеологии Нового времени). Показано, что общая суть (до воплощения в советском времени) технологического хронотопа заключается в становлении его в процессе опредмечивания рационально-логического принципа, заложенного в основе временных актов когитации человеческого рассудка. Технологический хронотоп выступает в качестве овнешненной в топосе материальной предметной реальности временной логики внутренней хронологии человеческого мышления. В последующем ходе исследования раскрывается значение уникального, самобытного семантического содержания советского технологического хронотопа, окружающего его сущностное качество и формирующего узнаваемый культурно-исторический образ, фундированного противоречивой эволюцией советского социального строя, идеологическая составляющая которого прошла путь от восхваления ежедневного ударного труда во благо глобальной цели коммунистической экспансии до эпохи застоя, в которую отчужденность и обезличенность повседневного существования человека послужили одной из ключевых причин распада советского технологического хронотопа.

Ключевые слова: хронотоп, хронотопология, технологический хронотоп, социальный хронотоп, топос, хронос, пространство, время, материя, эйдос, бытие, существование, человек.

ON THE SOVIET TECHNOLOGICAL CHRONOTOPE OF THE 1970s–1980s

Andrey V. Politov

Perm National Research Polytechnic University

The article studies the essence of the Soviet technological chronotope (the research object) resulted from a combination of material and semantic achievements of the scientific, technical and sociopolitical development of Soviet society in the 1970s–1980s. The methodological basis of the study is A.A. Ukhtomsky and M.M. Bakhtin's theory of chronotope, postulating the ontological and functional interconnectedness of time and space. This theory allows revealing a studied object as a structure with two attributes being its forming elements — spatial and temporal. The former depicts belonging to a specific geographical material locus and semantic cultural and civilizational space; the latter describes a certain length and the peri-

od of objective time included in the semantic wholeness of interconnected cultural and historical eras. The study reveals the complex nature of its subject, because the fundamental essence of the technological chronotope is formed by the ontological essence of technology. It historically developed as a result of evolution of the European type of thinking, primarily in the classical epistemology of the New Age. The study shows the general essence of the technological chronotope, i.e its formation in the process of objectification of the rational and logical principle that underlies temporary acts of the human mind. The technological chronotope acts as temporal logic of internal chronology of human thinking, this logic being embodied in the space of material objective reality. Further, the study reveals the significance of the unique and original semantic content of the Soviet technological chronotope, surrounding its essential quality and forming a recognizable cultural and historical image. This chronotope is funded by the contradictory evolution of the Soviet social system, whose ideological component significantly evolved. It transformed from demonstrative praising of daily striking labor for the benefit of the global goal of the communist expansion to the era of stagnation, when alienation and depersonalization of everyday being of man served as one of the key reasons for the collapse of the Soviet technological chronotope

Keywords: chronotope, chronotopology, technological chronotope, social chronotope, topos, chronos, space, time, matter, eidos, being, existence, human.

Введение. Хронотопология как интегральная функциональная, семантическая и категориальная структура сущего

Концепция хронотопа, выступающая теоретической и методологической основой предлагаемого исследования, была введена в научную традицию отечественными философами А.А. Ухтомским [Ухтомский А.А., 2002, с. 67–71] и М.М. Бахтиным [Бахтин М.М., 2012] в первой половине XX столетия; хронотопология (мы преимущественно будем использовать этот термин, поскольку он является наиболее емким и глубоким по философскому содержанию и смыслу среди производных от базового понятия хронотопа) представляет собой метафизическую, онтологическую, семантическую, процессуальную и функциональную взаимосвязанность пространственно-временной организации сущего. Последнее по способу своего существования есть временение — длящаяся, последовательно, поэтапно осуществляющаяся процессуальность (само время, или хронос), параллельно развертывающаяся, раскрывающаяся в качестве протяженности, вместилища, сорасположенности процессуальностей (путей временения), организованности сущих, иначе говоря, структурирующаяся в качестве пространства (топоса). Время есть само сущее, его жизненный путь (хронотопологичность) имеет семантическую составляющую, выражающую смысловое единство сущего, экзистенциальную полноту или неполноту его бытия. Хронотопология, кроме собственно пространственно-временной диалекти-

ки, включает в себя фундаментальное диалектическое соотношение материи и эйдоса [Бахтин М.М., 2003], вне которого становление сущего не может осуществиться как таковое. Хронотопология есть и структура и способ существования сущего и общности сущего.

Советская цивилизация (рассматриваемая в настоящем исследовании преимущественно с точки зрения технологической сферы) есть исторически сложившаяся, прошедшая определенный путь эволюционного развития общность, имеющая социальный, культурный, идеологический, технологический, цивилизационный характер. Как общность советская цивилизация характеризуется собственной хронотопологией, пространственно-временной структурой существования и функционирования. Хронологическая ось, время советской цивилизации есть собственно способ и процесс ее существования и эволюции, топологической структурой которой выступают как материальный локус определенной территории, в пределах которого проходило временение общности, так и семантический тоpos советской культуры, сформированный в ходе ее процессуальности, функционирования. Интегральным обобщением временного процесса существования и развития советского общества (социального хронотопа), проходившего в определенных исторических и территориальных границах, оформившегося в автономное семантическое пространство советской культуры, советской цивилизации в целом, будет выступать хронотопология данной общности, советский хронотоп.

Нас интересует технологический уровень советской хронотопии только определенного периода советского времени (70–80-е гг. XX в.); этот технологический уровень можно обозначить в качестве самостоятельной хронотопологической целокупности — технологического хронотопа, — входящей в область понятия советского хронотопа в целом, существовавшей и функционировавшей в связи с общей интегральной структурой советской хронотопии в качестве подчиненного ей элемента (уровня). Таким же образом в любой хронотопии можно выделить составляющий ее структурный элемент, например временной период, уровень организации и т.п., который может быть рассмотрен в качестве относительно самостоятельной хронотопологической общности, существующей и функционирующей в связи с особенностями, присущими хронотопологическим общностям более высокого порядка (в случае настоящего исследования советский хронотоп и технологический хронотоп (в целом, вне конкретно-исторической определенности) будут общностями более высокого порядка, нежели советский технологический хронотоп); хронотопия выступает полииерархичной моделью бытия, полииерархичностью сущего. Материальной и семантической топологией советского технологического хронотопа выступает континуум произведенных отечественной индустрией технических средств, технологий и совокупность достижений духовной культуры в данной области, хронологической координатой выступает собственно период ее существования, включенность данной эпохи в исторический процесс.

Технологический хронотоп как опредмеченная хронотопологическая структура человеческого сознания.

Рассмотрим общую сущность технологической хронотопии вне ее конкретно-исторического воплощения в советском времени. Основанием, порождающей и формообразующей причиной технологического хронотопа как континуума существования, функционирования и семантики технологий является процесс опредмечивания человеческой хронотопии, а именно хронологии сознания, рациональной структуры мышления, функционирующих в качестве временноющегося эйдетического процесса,

чистой временной логики (логоса) актов когитации [Железняк В.Н., 2015]. Технологическая хронотопия в ее исторической эволюции в европейской цивилизации формировалась в условиях ориентации на рационально осмысленное бытие, что особенно выразилось в эпоху Нового времени, в XVII столетии [Асмус В.Ф., 1956]. Рационально понятое бытие, ставшее идеалом и каноном новоевропейской культуры, не является по своей сущности родственным значению категории бытия у досократиков, которое понималось в качестве глубинного первосущего основания [Досократики, 1999, с. 400], но выступает в качестве опредмеченной в ареале вещи протяженной сферы чистой идеальности — вещи мыслящей, источника *lumen naturale* (естественного света) [Декарт Р., 1989, с. 27; 1994, с. 16–28], воспринимавшегося новоевропейской наукой как средство рационализации и просветления окружающего мира. Осуществление, воплощение в наличной реальности окружающего мироздания (хронотопа вещи протяженной) чистого эйдетического временения актов рассудка, человеческой рациональной логики есть порождающий, формирующий технологический хронотоп принцип. Можно сказать, что технологическая хронотопия — это хронотопия сознания с его чистой эйдетической временностью (и формируемой в ее процессуальности внутренней топологией (пространством) рассудка), но вынесенная за пределы человеческой хронотопии, субъективная хронотопия, объективированная, овеществленная в хронотопии объективной, хронотопе окружающей человека реальности.

Какова участь сформированного в процессе эволюции европейского общества технологического хронотопа? Как полагал в середине XX в. М. Хайдеггер, технический постав делает скрытое в природе налично явленным: техническое устройство выступает средством раскрытия и поставления на службу человека скрытых в мироздании потенций [Хайдеггер М., 1993, с. 221–238], но в эпоху торжества и господства выразившейся и ставшей глобально-масштабной техногенной культуры, особенно проявившей себя в конце XX столетия и продолжающей существовать до сих пор, человеческое существование редуцируется к модусу бытия-посредству. Человек, находящийся в со-бытии с

современным технологическим хронотопом, обречен быть по-средственным носителем социальных техно-логических функций, поскольку таков способ бытия сотворенной им же самим технологической рациональности. Вынесенная вне человеческой хронотопологии эйдетическая логика, воплощенная в континууме техно-логики, претерпела негативно-диалектическую метаморфозу, став нечеловеческой, античеловеческой логикой. В технократической культуре XX в. нематериальная временная структура мышления растворила себя в хроносе материальной предметности: технологический хронотоп начала XXI столетия служит явленной и объективированной рациональностью, выступающей в качестве охватывающей человеческую цивилизацию конструктивно-рациональной алгоритмической процессуальности, порождающего техно-логического принципа временения, который замещает эйдетическое начало в человеке [Железняк В.Н., 2007]. В исторических перипетиях европейской цивилизации человеческая рассудочная логика, реализованная в материально-предметном техническом устройстве, претерпела отчуждение от своего создателя и стала против него, диалектически принимая его в качестве иного, внешнего и чуждого себе объекта, подлежащего поглощению, а в случае сопротивления (и в целом в последующем) — искоренению. В ходе существования новоевропейской общности (с XVI–XVII столетий) органическое живое начало человеческой духовной сферы постепенно и неуклонно заменялось механистическим; органицистская по своей сути ноосфера замещается и вытесняется механицистской техносферой, уничтожающей одновременно и природную основу функционирования ноосферы — биосферу [Стерледев Р.К., Стерледева Т.Д., 2017].

Негативно-диалектическое опредмечивание эйдетической рассудочной хронотопологии в советском технологическом хронотопе

В свете сказанного выше наличное материальное воплощение (выражающееся в совокупности отраслей отечественной промышленности и произведенных ею технических средств и технологий) советского технологического хронотопа 70–80-х гг. XX столетия (выступающего преемником хронотопа индустриальной культуры 30–50-х гг.) служит результатом процесса

опредмечивания временной рациональной логики сознания (вне пределов данного труда лежит исследование конкретно-исторических особенностей сознания советского человека, советской когнитивной хронотопологии, мы лишь затрагиваем этот аспект с точки зрения объективной детерминации социальным хронотопом хронотопа сознания и обратной связи, присутствующей в этом взаимодействии). Обозначенный процесс объективации, овнешнения формальной логики рассудка проходил в конкретных исторических, социальных и политических условиях, которые не могли не оказать воздействия на опредмечивающий процесс. Иначе говоря, трансцензус когнитивной хронотопологии в хронотопологию технологическую отягощался, усложнялся, деформировался функционирующим одновременно с ним процессом сложного, противоречивого развития советской социальной и культурной хронотопологии. Советский технологический хронотоп есть не нечто существовавшее само по себе, в безвоздушном пространстве, не имевшее никаких влияний со стороны, а, наоборот, то, что являлось структурой, подчиненной формированию и функционированию хронотопологий более высокого порядка — советского социального хронотопа, хронотопа советской культуры. Мы, таким образом, имеем дело с картиной усложненной, многофакторной мультипоточковой процессуальности, в которой опредмечивание являлось только одним из направлений, имевшим со-подчиненный характер и деформировавшемся вследствие процессов общностей большего масштаба. И социальная и культурная хронотопологии вносили существенные коррективы в процесс опредмечивания человеческой рассудочной хронотопологии в технологическом хронотопе, и поправки эти носили в том числе и деформирующий характер, что приводило к негативно-диалектическим, парадоксально-диалектическим явлениям в процессах опредмечивания, оказывающих, в свою очередь, соответствующее формообразующее действие на технологический хронотоп. Кроме того, необходимо отметить наличие существенных обратных связей в указанных процессах между разного рода хронотопологиями, что приводило к их взаимной интерференции, обоюдоострому деформированию, где пострадавшая сторона отвечала встречным негативно-диалектическим

воздействием. Мы имеем в виду прежде всего метаморфозу, произошедшую с советским героическим производственным пафосом, которая заключалась в переходе от восхваления ударного труда во благо коммунистического светлого будущего и пришедшего к застою и разложению как социальной так и технологической структур советской хронотопии.

Итак, в советское время опредмечивание рассудочной хроно-логии в континуум технологий проходило в топосе более развернутых структур, в социальном хронотопе, где в бытовых и экономических тяготах наличного бытия человек в значительной мере существовал как эксплуатируемое техническое устройство: «Не легкой была в те годы жизнь. <...> В аппаратуре еще плохо разбирались, многое не получалось. <...> Когда началась война, я только шесть классов закончила <...>. Папу у нас сразу забрали на фронт, а я пошла работать в колхоз. <...> Надо было платить сельский налог. <...> А не заплатишь — посадят» [Объединяя мир людей, 1998, с. 158]. Человеческая личность с ее внутренней эйдетической хронотопологией трансформировалась в придаток к машине: «В течение нескольких лет выдающийся шахтер <...> Изотов <...> выполнял нормы на четыреста-пятьсот процентов, а в иные периоды даже на две тысячи процентов! <...> Стаханов выдвинул предложение: забойщик должен работать с молотком всю смену <...>. Удар отбойного молотка Стаханова стал как бы сигналом ко всеобщему наступлению на высокую, наивысшую производительность труда» [Петров Н.И., 1985, с. 26–27]. Приоритет человеческой жизни в советском обществе 30–50-х гг. XX в. был в значительной мере девальвирован верой в безошибочность технического устройства, выступающего в качестве универсального мерила и идеала развития. В условиях советского технологического хронотопа рабочий выступал как средство достижения поставленной советской социальной системой и подчиненной ей идеологией глобальной цели — экспансии, распространяющейся на всю планету: «Первая мировая война вырвала одну страну из капиталистического рабства, вторая — создала социалистическую систему, третья — навсегда покончит с империализмом» [Радзинский Э.Р., 1998, с. 604]. Процесс опредмечивания, многократно деформированный вслед-

ствие внешних факторов и отягощенный ими, не смог привести к тому результату, который изначально предполагался рационалистической парадигмой европейского социального хронотопа — облагораживанию и рационализации окружающего пространства, а привел к углублению противоречий и деформации советской социальной и культурной, цивилизационной хронотопологии и затем — к их разрушению.

К концу 60-х – началу 70-х гг. ввиду диалектической логики, согласно которой последующая стадия процесса отрицает предыдущую, парадигма героического рабочего подвига (в духе «большого скачка») постепенно замещается обратным движением — идеалом размеренного высокопроизводительного труда. Технологический хронотоп 70-х гг. вовлекается в процесс нарастающего последовательного всеобщего разложения советского социального хронотопа во время эпохи застоя, характеризующейся постепенной нивелировкой и упразднением в повседневности победно-героического пафоса сталинской идеологии, стирающей в обыденности духовной стагнации брежневского периода: «В то же время в <...> организации труда имеются существенные недостатки. В ряде отраслей создание бригад носит формальный, кампанейский характер, нередко предпочтение отдается количественной стороне дела в ущерб качественной. <...> Медленно перестраиваются структура, формы и методы работы партийных, профсоюзных комсомольских организаций <...>. Не везде обеспечивается единство идеологической, организаторской и хозяйственной деятельности. <...> Нет ничего опаснее формализма в создании бригад» [Петров Н.И., 1985, с. 65]. Застойная система брежневского периода уже не ставила задачу всемирного завоевания; советская номенклатура, видевшая прелести западной жизни, стремилась к упрочению и сохранению собственных власти, доходов, безопасности. Коммунистическая пропаганда эпохи застоя сопровождала реляции об успехах социалистического строительства декларациями о заботе в отношении быта и семейной жизни человека труда, тем самым, на наш взгляд, умаляя вещно-предметную прогрессистскую рациональность технологического хронотопа: «Условием обеспечения непрерывного роста благосостояния является повышение эффективности общественно-

го производства. <...> Неуклонный рост материального благосостояния советских людей, улучшение жилищных условий, рост объема и качества услуг населению, расширение ассортимента и повышение качества товаров <...>, улучшение питания и медицинского обслуживания — таковы основные пути повышения уровня жизни» [Васильева Э.К., 1985, с. 46].

В обыденном существовании подавляющее большинство рабочих коротало досуг в силу собственного разума, фактически демонстрируя негативно-диалектическое, отрицательное отношение к технологической хронологии, к уже не служащему в качестве идеала и критерия жизненного развития миру овеществленной технической рациональности. Этот мир воспринимался теперь в качестве «замыленного» и примелькавшегося отчужденного топоса: «Закончив работу, бригада слесарей-ремонтников цеха № 4 с шутками и прибаутками, дружно и шумно помывшись, вволю наговорившись в своей сауне, в приподнятом настроении по причине предстоящих выходных, гурьбой повалила через проходную завода. <...> Договорились, кто пойдет за бутылкой, кто с 5-литровой фляжкой за пивом, <...> у кого из жен на этот раз раздобыть маломальскую закуску. Пятница, да еще и отработанная, да после парной, да с дружками — святое дело посидеть за столиком с пивком <...>, болтая о том, о сем, а в сущности, ни о чем» [Капитанша..., 1994, с. 73]. Отчужденный, лишенный высокой социально-нравственной цели и смысла труд и, следовательно, жизненное время советских рабочих 70–80-х гг. в конечном счете привели к социальной, нравственной, духовной и экологической катастрофе, свершившейся на просторах СССР к последнему десятилетию XX в.: «Вот я отработал на заводе почти 30 лет <...>, все вроде бы хорошие дела делали. Планы выполняли, завод рос, строился поселок, подрастали дети, а вот точит червячок душу от того, что <...> испохабили, отравили, осквернили природу-мать так, что и глазу не за что зацепиться, разве что за пожелтевшие от заводских газовок высохшие сосны» [Капитанша..., 1994, с. 26].

Особое место в хронотопе советской культуры брежневского времени занимал жанр так называемого производственного романа, повествующего о быте и жизни рабочих [напр.:

Амлинский В.И., 1982; Куваев О.М., 1975; Макаров А.С., 1985; Титов В.А., 1984; Тублин В.С., 1984]. Проследим отражение отечественного технологического хронотопа 70-х и первой половины 80-х гг. в литературно-художественном хронотопе произведений той поры на примере творчества отечественного писателя А.А. Проханова. С самого начала повествования любой из его ранних книг читатель погружается в бушующий ритм индустрии, грохочущую пульсирующую среду производственной площадки, выступающей в качестве топоса становления и торжества советской технократической культуры: «Огненный грохот работающих на пределе турбин. Росчерк сигнальных огней. Мелькание порта, ангаров» [Проханов А.А., 1983, с. 3]. Автор с первых строк бросает читателя в локус (который по существу является развернутым художественно-семантическим топосом действия), где описывается мир-хронотоп индустрии: «Сибирь. Минус сорок. Котлы режут и грохочут. Форсунки выхлестывают струи огня. Манометры дрожат от давления, вот-вот брызнут стеклами. Кочегары в мазуте и саже заглядывают в глазки: блеск зубов, потные лбы, рыжие отсветы. Дым из трубы лохматый и черный, с багровым подбрюшьем. <...> Дрожание фундамента. Клекот и хлюп кипятка. Пузыри огня. Кочегары гладят железную кожу котлов. Чешут горячую шерсть. Котлы пьют красные бычьи глазища, дергают гривы, хвосты» [Проханов А.А., 1984, с. 79]. Для А.А. Проханова технологический хронотоп выступает в качестве не индустриальной пустоши, а метафизического, интегрального выражения советской хронологии в целом: «Только с неба [комбинат. — А.П.] и увидишь, а внизу — кромсанье и месиво. <...> Сгорание дней. <...> Но когда-нибудь, <...> после всех потерь и кромешности, наконец взлететь к небесам и в утреннем солнце среди всех лесов и озер, откованное из лучей и конструкций, стальное и ясное, обращенное к небу, увидеть свое лицо — построенный комбинат... Вот где закон <...> переселения душ. Чудо о комбинате <...>. Вот они, силы, бьющие в нас из настоящего и будущего! Речь идет о создании глобальной индустрии, в которой России <...> отводится ведущая роль. Запад не в силах создать подобные гиганты промышлен-

ности. <...> В этом <...> миссия и сила России» [Проханов А.А., 1984, с. 84].

Технологический хронотоп в этих произведениях позднесоветской эпохи предстает как живой одушевленный организм; отсюда стремление писателя выразить техническую культуру как не чуждую человеческой хронотопологии, которая словно отражается и возвышается в технической рациональности, выступающей прямым продолжением ее творца — человека: «Я распят на кресте самолета. Моя стеклянная, голубая башка принимает в глазницы отсветы лунных туч, чуть видные проблески звезд. Брюхо мне лижут ледяные, высокие ветры, омывают бесшумные волны электрических и магнитных полей. Алюминиевые голые плечи в татуировке заклепок, с черной надписью — СССР. <...> Мое сердце, печень и легкие из легированных, чистейших сталей, пульсируют, бьются и дышат. Мой мозг в частотах и кодах вырабатывает отрезок полета. Мой торс, мои ласты и киль скользят по куполу неба» [Проханов А.А., 1983, с. 7]; «Город был похож на руки, напряженно хватавшие небо» [Проханов А.А., 1987, с. 222]. Писатель антропоморфизует опредмеченную технологическую рациональность, как бы сглаживая, нейтрализуя ее вышеописанную деформацию и стремится сопереживать ее судьбе как человеческой, сокращая разрыв между человеческой и технической хронотопологичностью: «...Чувствовал трагическую смерть машины. И свое с ней тайное тождество. Общее с ней совершенство, точность и мощь конструкции. И крохотную боль проводка, готового сгореть, оборваться. <...> Смотрел восхищенно <...>, понимая, любя непомерную конструкцию станции. <...> Вот он, наш храм-то!.. Вот она, наша душа... И наше единство. <...> Вся судьба, всех нас... Всем нам памятник рукотворный!» [Проханов А.А., 1977, с. 9, 192]. Можно отметить, что жанр производственного романа 70-х и начала 80-х гг., особенно развитый в ныне не востребовавшем и забытом «производственном цикле» А.А. Проханова, находясь в русле обозначенной официальной идеологией декларации постепенного повышения уровня жизни и производительности труда, мирного сосуществования советской страны с внешним окружением, не носил характер сталинской агрессивной милитаризированной пропаганды, а скорее был выдержан в духе лакирования и ретуширования

действительности с целью показать заложенное в технологическом хронотопе новаторство, потенциал, возможность прогресса цивилизации, неотчужденность техники от человека. Однако в реальности к середине 80-х гг. советский технологический хронотоп представлял собой вырождающееся явление. Попытка воскресить эту отживавшую свой век систему с помощью запала перестроечного оптимизма была изначально обречена на провал, поскольку у горбачевской идеологии не существовало достаточного идейного основания, в ее арсенале были только лозунги и декларации, доставшиеся ей от предыдущих эпох.

Чернобыльская катастрофа 1986 г. явилась событием, окончательно подорвавшим временную и сильно расшатавшим пространственную координату советского технологического хронотопа, общность которого начинает неуклонно распадаться. Во многих явлениях повседневного существования и в функционировании технологической сферы последнего пятилетия советской цивилизации обнаруживается глубокая социальная патология, обусловившая негативные процессы всеобщего распада, образ которого был явлен произошедшей технологической катастрофой. Причина разрушающих социальный и технологический хронотоп процессов крылась, по нашему мнению, в самой структуре изначально противоречиво сложившейся советской цивилизации: «Есть человек, которого суть — губитель! <...> Нас разорил губитель. Большой, малый, средний. <...> Нас всех посетила страшная беда отчуждения. Все отнято. Станок не мой. Завод не мой. Город не мой. Власть не моя. Все чужое. <...> Все без души. <...> Чернобыль наплодил не только мутантов, но и пораженцев — социальные уроды Чернобыля! <...> Не одна, а множество давних и недавних болезней, загнанных внутрь неверным лечением, перешедших одна в другую. <...> Мы уже не имеем <...> волевого управленца, <...> а <...> сочетание растленного коллектива и сдавшегося, идущего на поводу руководства. <...> Обленившееся, апатичное, не желающее действовать общество и беспомощное, не занимающееся управлением страны руководство» [Проханов А.А., 1990, с. 206–207, 237, 247, 251, 253]. Чернобыль выявил противоречия эволюции советского технологического хронотопа, стремившегося в своем идеологическом выражении, в своем семантическом

топосе в будущее время, но искалечившего и уничтожившего окружающие его хронос и топос настоящего: «Столько потерь, столько потерь! <...> Все пожгли, порушили <...>. Зачем?.. Иконы порубили, спалили, колокола — в переплав, колокольни взорвали, кирпич — на коровники. А в храмах — картошка, похабщина на стенах. Зачем?.. Две заповедные рощи! <...> Все срубили на доски, на гробы, на блиндажи, на лагерные зоны, на опилки. <...> Всех перебили, распугали, все гнездовья, все заводы, все луга заливные! Ушла жизнь из лесов, ушла из воды! Больно!.. <...> Столько убито, когда собирали колхозы. <...> Столько спилось... Столько сошло с ума... Столько отравилось, повесилось... разбилось на тракторах, на машинах <...>. Столько снесено деревень... Столько разбито семей... <...> Сколько утрат!» [Проханов А.А., 1990, с. 202–204].

Заключение

Таким образом, философский концепт рациональности, обоснованный эпохой Нового времени, лежит в основе феномена научно-технического прогресса европейской цивилизации. Техно-логия есть воплощенная рациональность чистого мышления, объективированная в предметно-конкретном сущем временная логика человеческого рассудка. Процесс опредмечивания порождает технологический хронотоп — континуум объективированной в материальной предметности хронотопологии человеческого сознания, в своем обобщенном выражении синтезирующий автономный ареал технологической культуры, генезис которой в истории XX в. в советской цивилизации совпадает и совмещается со становлением советской идеологии и культуры.

Советский технологический хронотоп, ведущий свой отчет с начала процесса индустриализации в 20–30-х гг., достигает высшего развития в 50–60-х гг. В это время технологический хронотоп как самостоятельная бытийная техносферическая область, идеологически возвышающаяся над советской цивилизацией и выступающая ее своего рода наиболее прогрессивным (за счет опредмеченной в технологиях рациональности чистой эйдетической логики) слоем, получает наивысшее выражение в космической индустрии, АЭС, в развитии ВПК, отражаясь в литературно-художественном хро-

нотопе производственного романа. Однако в повседневном своем бытии советская технологическая система 70–80-х гг. постепенно деградировала вплоть до социально-экономической стагнации позднего застоя и черныбыльской катастрофы, ознаменовавшей собой начало распада хронотопа советской техногенной цивилизации.

Онтологическая и метафизическая сущность советского технологического хронотопа с при-сущим ему поэтическим и метафорическим пониманием прогресса и инженерии может быть сформулирована следующим образом: если природа выступает в качестве пространства — хранилища бытия, локуса, в котором происходит успокоение, сохранение мятущейся человеческой души и ее надежд, то технологический хронотоп — в качестве топоса, в котором осуществляется особого рода раскрытие бытия — явление будущего, реализация возможностей земной цивилизации. Онтологическое же противоречие советского технологического хронотопа состояло в том, что поэтически-метафизический пафос его идеологически заряженной семантики сопровождался отчуждением и неподлинностью повседневного существования его творца, загнанного внутрь по-средственного бытия индустриализированного, отчужденного социального хронотопа. Закономерным итогом данного негативно-диалектического процесса явилась настигшая культуру и страну цивилизационная катастрофа, последствия которой сказываются на дне сегодняшнем; автор убежден, что путь восстановления российского общества может быть обозначен духовно-нравственным возрождением, одними из ключевых элементов которого должны выступить забота о природе, столь пострадавшей в XX в., и строго регламентированное, жестко ограниченное социально-этической гуманитарной экспертизой научно-техническое развитие [Колин К.К., 2008; Оконская Н.К., 2017; Хафизова Н.А., 2017].

Список литературы

- Амлинский В.И.* Московские страницы. М.: Моск. рабочий, 1982. 400 с.
- Асмус В.Ф.* Декарт. М.: Политиздат, 1956. 372 с.
- Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 340–503.

Васильева Э.К. Семья в социалистическом обществе. М.: Мысль, 1985. 156 с.

Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 656 с.

Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 635 с.

Досократики / пер. А. Маковельского. Минск: Харвест, 1999. 784 с.

Железняк В.Н. Логос и технологии // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 2. С. 21–28.

Железняк В.Н. Цифровая эпистема // Философско-методологические проблемы искусственного интеллекта: матер. постоянно действующего теоретич. междисциплинар. семинара. Пермь: Изд-во Перм. гос. тех. ун-та, 2007. С. 14–32.

Капитаниша: Рассказы, очерки, стихи. Творчество работников АО «Галоген» / под ред. В.А. Зингарова. Пермь: АО «Галоген», 1994. 176 с.

Коллин К.К. Россия и мир на пути к информационному обществу: философские, гуманитарные и технологические аспекты проблемы // Философско-методологические проблемы искусственного интеллекта: матер. Всерос. междисциплинар. семинара (г. Пермь, 1–2 ноября 2007 г.). Пермь: Изд-во Перм. гос. тех. ун-та, 2008. С. 159–172.

Куваев О.М. Территория. М.: Современник, 1975. 256 с.

Макаров А.С. Последний день лета. М.: Мол. гвардия, 1985. 384 с.

Объединяя мир людей: Исторические очерки о развитии связи в Прикамье / под ред. В.П. Кадочникова. Пермь: ЗАО «ИГ “Энтер-профи”», 1998. 432 с.

Оконская Н.К. Этические аспекты современной деятельности инженера в русле проблемы устойчивого развития человечества // Образ инженера XXI века: социальная оценка техники и устойчивое развитие: сб. науч. статей. Пермь: Изд-во Перм. нац. иссл. политех. ун-та, 2017. С. 112–122.

Петров Н.И. Один за всех — все за одного: коллективизм как черта социалистического образа жизни. М.: Мысль, 1985. 159 с.

Проханов А.А. Вечный город. М.: Сов. писатель, 1987. 592 с.

Проханов А.А. Время полдень. М.: Профиздат, 1977. 288 с.

Проханов А.А. Кочующая роза. М.: Современник, 1983. 288 с.

Проханов А.А. Место действия. М.: Моск. рабочий, 1984. 352 с.

Проханов А.А. Шестьсот лет после битвы. М.: Сов. писатель, 1990. 432 с.

Радзинский Э.С. Соч.: в 7 т. Т. 2: Сталин. М.: Вагриус, 1998. 640 с.

Стерледев Р.К., Стерледева Т.Д. Искусственный интеллект в аспекте ноосферы: почти фантастика? // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 2. С. 61–65. DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2017.2.08>

Титов В.А. Избранное. М.: Худож. лит., 1984. 528 с.

Тублин В.С. Доказательства. Л.: Сов. писатель, 1984. 607 с.

Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Хафизова Н.А. Экоэтические аспекты социальной ответственности бизнеса: история одного конфликта (деревня Павлово против ООО «Лукойл-Пермь») // Образ инженера XXI века: социальная оценка техники и устойчивое развитие: сб. науч. статей. Пермь: Изд-во Перм. нац. иссл. политех. ун-та, 2017. С. 131–147.

Получено 14.12.2019

References

Amlinskiy, V.I. (1982). *Moskovskie stranitsy* [The Moscow pages]. Moscow: Moskovskiy Rabochiy Publ., 400 p.

Asmus, V.F. (1956). *Dekart* [Descartes]. Moscow: Politizdat Publ., 372 p.

Bakhtin, M.M. (2003). *K filosofii postupka* [To the philosophy of the act]. *Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 1: Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works: in 7 vols. Vol. 1: Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie Slovari Publ., Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., pp. 7–68.

Bakhtin, M.M. (2012). *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in a novel]. *Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)* [Collected works: in 7 vols. Vol. 3: Theory of the novel (1930–1961)]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., pp. 340–503.

Descartes, R. (1989). *Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Works: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 656 p.

- Descartes, R. (1994). *Sochineniya: v 2 t. T 2* [Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ., 635 p.
- Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 447 p.
- Kadochnikov, V.P. (ed.) (1998). *Ob'edinyaya mir lyudey. Istoricheskie ocherki o razvitii svyazi v Pri-kam'e* [Uniting the world of people. Historical essays on the development of communications in the Kama region]. Perm: ZAO «IG "Enter-Profi"» Publ., 432 p.
- Kolin, K.K. (2008). *Rossiya i mir na puti k informatsionnomu obschestvu: filosofskie, gumanitarnye i tekhnologicheskie aspekty problemy* [Russia and the world on the way to the information society: philosophical, humanitarian and technological aspects of the problem]. *Filosofsko-metodologicheskie problemy iskusstvennogo intellekta. Materialy vse-rossiyskogo mezhdistsiplinarnogo seminara (1–2 noyabrya 2007 g.)* [Philosophical and Methodological Problems of Artificial Intelligence: proceedings of the all-Russian interdisciplinary seminar (November 1–2, 2007)]. Perm: PSTU Publ., pp. 159–172.
- Khafizova, N.A. (2017). *Ekoeticheskie aspekty sotsial'noy otvetstvennosti biznesa: istoriya odnogo konflikta (derevnya Pavlovo protiv OOO «Lukoil-Perm»)* [Ecoethical aspects of business social responsibility: the history of a conflict (Pavlovo village versus Lukoil-Perm LLC)]. *Obraz inzhenera XXI veka: sotsial'naya otsenka tekhniki i ustoychivoe razvitie* [21st century engineer image: social assessment of technology and sustainable development]. Perm: PSTU Publ., pp. 131–147.
- Kuvaev, O.M. (1975). *Territoriya* [The territory]. Moscow: Sovremennik Publ., 256 p.
- Makarov, A.S. (1985). *Posledniy den' leta* [The last day of summer]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 384 p.
- Makovel'skiy, A.O. (tr.) (1999). *Dosokratiki* [Pre-Socratics]. Minsk: Kharvest Publ., 784 p.
- Okonskaya, N.K. (2017). *Eticheskie aspekty sovremennoy deyatel'nosti inzhenera v rusle problemy ustoychivogo razvitiya chelovechestva* [Ethical aspects of modern engineering activities in line with the problem of sustainable human development]. *Obraz inzhenera XXI veka: sotsial'naya otsenka tekhniki i ustoychivoe razvitie* [21st century engineer image: social assessment of technology and sustainable development]. Perm: PSTU Publ., pp. 112–122.
- Petrov, N.I. (1985). *Odin za vsekh — vse za odnogo: kollektivizm kak cherta sotsialisticheskogo obraza zhizni* [One for all — all for one: collectivism as a feature of the socialist way of life]. Moscow: Mysl' Publ., 159 p.
- Prokhanov, A.A. (1983). *Kochuyuschaya roza* [The roaming rose]. Moscow: Sovremennik Publ., 288 p.
- Prokhanov, A.A. (1984). *Mesto deystviya* [The place of action]. Moscow: Moskovskiy Rabochiy Publ., 352 p.
- Prokhanov, A.A. (1990). *Shest'sot let posle bitvy* [Six hundred years after the battle]. Moscow: Sovetskiiy Pisatel' Publ., 432 p.
- Prokhanov, A.A. (1987). *Vechnyy gorod* [The eternal city]. Moscow: Sovetskiiy Pisatel' Publ., 592 p.
- Prokhanov, A.A. (1977). *Vremya polden'* [The time is noon]. Moscow: Profizdat Publ., 288 p.
- Radzinskiy, E.S. (1998). *Sochineniya: v 7 t. T. 2: Stalin* [Works: in 7 vols. Vol. 2: Stalin]. Moscow: Vagrius Publ., 640 p.
- Sterledev, R.K. and Sterledeva, T.D. (2017). *Iskusstvennyy intellekt v aspekte noosfery: pochti fantastika?* [Artificial intelligence in the aspect of noosphere: almost science fiction?]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. No. 2, pp. 61–65. DOI: <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2017.2.08>
- Titov, V.A. (1984). *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 528 p.
- Tublin, V.S. (1984). *Dokazatel'stva* [The evidence]. Moscow: Sovetskiiy Pisatel' Publ., 607 p.
- Ukhtomskiy, A.A. (2002). *Dominanta* [Dominant]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 448 p.
- Vasil'eva, E.K. (1985). *Sem'ya v sotsialisticheskoy obschestve* [Family in a socialist society]. Moscow: Mysl' Publ., 156 p.
- Zingarov, V.A. (ed.) (1994). *Kapitansha. Ras-skazy, ocherki, stikhi. Tvorchestvo rabotnikov AO «Galogen»* [Captain's wife. Stories, essays, poems. Creativity of employees of Halogen JSC]. Perm: AO «Galogen» Publ., 176 p.
- Zheleznyak, V.N. (2007). *Tsifrovaya epistema* [Digital episteme]. *Filosofsko-metodologicheskie problemy iskusstvennogo intellekta* [Philosophical and methodological problems of artificial intelligence]. Perm: PSTU Publ., pp. 14–32.
- Zheleznyak, V.N. (2015). *Logos i tekhnologii* [Logos and technologies]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law]. No. 2, pp. 21–28.

Received 14.12.2019

Об авторе

Политов Андрей Викторович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

About the author

Andrey V. Politov

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Политов А.В. К характеристике отечественного технологического хронотопа 70–80-х гг. XX столетия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 65–75.
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-65-75

For citation:

Politov A.V. [On the Soviet technological chronotope of the 1970s–1980s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 1, pp. 65–75 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-65-75